

## Емельян Пиляй — эпизод 5 из 5

Намылю шею, думаю, подойди-ка. А она идет к мосту прямо и вдруг как крикнет: Милый, за что?! Ну, брат, и крикнула! Я так и вздрогнул. Что за притча? думаю. А она прет прямо на меня. Лежу, прижался к земле, дрожу весь куда моя злоба девалась! Вот-вот налезет, ногой наступит сейчас! А она опять как завопит: За что?! за что?! и бух наземь, как стояла, почти рядом со мной. И заревела она тут, братец ты мой, так, что я и сказать тебе не могу сердце рвалось, слушая. Лежу, однако, ни гугу. А она ревет. Тоска меня взяла. Убегу, думаю себе, прочь! А тут месяц вышел из тучи, да таково ясно и светло, просто страх. Приподнялся я на локоть и глянул на нее... И тут, брат, все и пошло прахом, все мои планы и полетели к чертям! Смотрю так сердце и екнуло; ма-аленькая девчоночка, дите совсем беленькая, кудряшки на щечках, глазенки большие такие смотрят так... и плечики дрожат-дрожат, а из глаз-то слезы крупнущие одна за другой так и бегут, и бегут.

Жалость меня, брат ты мой, забрала. Вот я, значит, и давай кашлять: Кхе! кхе! кхе! Как она крикнет: Кто это? Кто? Кто тут?! Испугалась, значит... Ну, я сейчас тово... на ноги встал и говорю: Это, мол, я. Кто вы? говорит. А глаза-то у самой во какие сделались, и вся так, как студень, дрожит. Кто вы? говорит. Он засмеялся.

Кто я-то, мол? Вы прежде всего не бойтесь меня, барышня, я вам худа не сделаю. Я так себе человек, из босой команды, мол, я. Да. Соврал, значит, ей; не говорить же ведь, чудак ты, что я, мол, купца убить залег тут! А она мне в ответ: Все, говорит, мне равно, я топиться пришла сюда. И так это она сказала, что меня аж озноб взял серьезно уж очень, братец ты мой. Ну, что тут делать?

Емельян сокрушенно развел руками и смотрел на меня, широко и добродушно улыбаясь.

И вдруг тут, братец ты мой, заговорил я. О чем заговорил не знаю; но так заговорил, что аж сам себя заслушался; больше все насчет того, что она молодая и такая красавица. А что она красавица, так это уж так, то есть раскрасавица! Эх ты, брат ты мой! Ну, уж! А звали Лизой. Так вот я, значит, и говорю; а что кто его знает что? Сердце говорило. Да! А она все смотрит, серьезно так и пристально, и вдруг как улыбнется!.. заорал Емельян на всю степь со слезами в голосе и на глазах и потрясая в воздухе сжатыми кулаками. Как улыбнулась, так я и растаял; хлоп перед ней на колени: Барышня, говорю, барышня! и все тут! А она, братец ты мой, взяла меня за голову руками, глядит мне в лицо и улыбается, как на картине; шевелит губами сказать хочет

что-то; а потом осилилась и говорит: Милый вы мой, вы тоже несчастный, как и я! Да? Скажите, хороший мой! Н-да, друг ты мой, вот оно что! Да не все еще, а и поцеловала она меня тут в лоб, брат, вот как! Чуешь? Ей-богу! Эх ты, голубь! Знаешь, лучше этого у меня в жизни-то за все сорок семь лет ничего не было! А?! То-то! А зачем я пошел? Эх ты, жизнь!..

Он замолчал, кинув голову на руки. Подавленный странностью рассказа, я молчал и смотрел на море, похожее на чью-то громадную грудь, ровно и глубоко дышавшую в крепком сне.

Ну, а потом она встает и говорит мне: Проводите меня домой. Пошли мы. Я иду ног под собой не чую, а она мне все рассказывает, как и что. Понимаешь ты, она одна дочь была у родителей, купцы они, ну, и того, значит, балованная; а потом тут студент приехал и стал, значит, ее там учить, и влюбились они друг в друга. Он потом уехал, а она стала его ждать как, дескать, кончит там свою науку, чтобы приехать венчаться; уговор у них такой был. А он не приехал, а послал ей письмо; дескать, ты мне не пара. Девке, конечно, обидно. Вот она было и того, значит... Ну, рассказывает она это мне, и дошли мы таким манером с ней до дома, где она жила. Ну, говорит, голубчик, прощайте! Завтра я, говорит, уеду отсюда. Вам денег, может быть, надо? Скажите, не стесняйтесь. Нет, говорю, барышня, не надо, спасибо вам! Ну, добрый вы мой, не стесняйтесь, скажите, возьмите! пристаёт она. А я такой оборванный был, однако говорю: Не надо, барышня. Знаешь, брат, как-то не до того было, не до денег. Простились мы с ней. Она так ласково говорит: Никогда-де я не забуду тебя; совсем, дескать, ты чужой человек, а такой мне... Ну, это наплевать, оборвал Емельян снова, принимаясь закуривать.

Ушла она. Сел я на скамью у ворот. Грустно мне стало. Ночной сторож идет. Ты, говорит, чего тут торчишь, али слямзить хочешь чего ни то? Крепко эти самые слова взяли меня за сердце! Я его в морду рраз! Крик, свист... в часть! Ну что ж, в часть так в часть, вали хоть во всю целую мне все равно; я как двину его снова! Сел на лавочку и бежать не хотел. Ночевал; поутру отпустили. Иду к Павлу Петрову. Где погуливал? спрашивает, усмехаясь. Поглядел я на него человек, как и вчера; но как будто что-то новое вижу. Ну, конечно, рассказал ему все, как и что. Слушал он серьезно таково, а потом сказал мне: Вы, говорит, Емельян Павлыч, дурак и болван; и не угодно ли, говорит, вам убраться вон! Ну, что ж тут? Али он не прав? Я ушел, и все тут. Так-то вот было дельце, браток!

Он замолчал и растянулся на земле, закинув руки под голову и глядя на небо бархатное и звездное. И кругом все молчало. Шум прибоя стал еще мягче, тише, он долетал до нас слабым, сонным вздохом.

